△ 467/279

В. А. Корнилов

467/279

Б18
Ш514г2

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ

ВИЦЕ-АДМИРАЛЪ

ВЛАДИМІРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ

КОРНИЛОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ ЛИТЕЙН. ПРОСП. Д. № 39.
1872

Печатано по распоряженію Севастопольскаго отдѣла на политехнической выставкѣ.

2007059513

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ, ВИЦЕ-АДМИРАЛЪ

ВЛАДИМІРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ КОРНИЛОВЪ.

При условіяхъ общественнаго быта въ нашемъ отечествѣ, сословіе дворянъ, пользуясь необыкновенными преимуществами, весьма справедливо обязано нести наибольшую долю труда, ведущаго къ благосостоянію государства, служить ему всѣми способностями. Обработывающій поле земледѣлецъ, удовлетворяющій нуждамъ и прихотямъ жизни ремесленникъ, купецъ, облегчающій имъ средства сбывать плоды трудовъ—всѣ эти члены общества приносятъ на жертвенникъ общей пользы извѣстную дань, и, безъ сомнѣнія, каждое назначеніе человѣка въ жизни цѣлаго народа, исполняемое имъ искусно и добросовѣстно, достойно уваженія; но, указывая на сословіе дворянства, какъ на главныхъ тружениковъ, мы хотимъ выставить ту только истину, что оно обязано трудиться безкорыстно, не разсчитывая на непосредственныя воздаянія, не ожидая вознагражденія за каждое удачное усиліе принести пользу. Законъ, выведенный изъ силы обстоятельствъ и безпристрастнаго разсчета, обязуетъ дворянина, жертвуя собственными выгодами и наклонностями, избирать одну изъ отраслей государственныхъ службъ. Понимая основательность подобнаго требованія, высшее сословіе государства стремится къ удовлетворенію его,

и хотя, для должнаго выполненія справедливой воли правительства, надлежитъ каждому предварительно получить начала, на которыхъ могли бы развиться въ немъ достоинства человѣка, различныя мѣстныя условія противятся у насъ такому образованію юношества, и въ самомъ нѣжномъ возрастѣ оно передается на руки того же правительства, которому въ послѣдствіи обязано оказывать усердное, разумное содѣйствіе. Такимъ образомъ, власть сама себѣ готовитъ слугъ и помощниковъ, и вліяніе домашняго воспитанія ограничивается только впечатлѣніями, доступными ребяческому разсудку. Ребенокъ видитъ чинную, христіанскую жизнь родителей, бываетъ свидѣтелемъ постоянныхъ трудовъ ихъ, уваженія имъ оказываемаго, и это глубоко врѣзывается въ его памяти. Приставленные въ послѣдствіи, внѣ родительскаго дома, наставники, способные выказать пользу добра, честныхъ правилъ и умственнаго трудолюбія, образуютъ такого ребенка, находящагося подъ впечатлѣніемъ недавнихъ отцовскихъ примѣровъ, безъ большихъ усилій и затрудненій; и если изъ него выйдетъ человѣкъ полезный, заслуживающій быть выставленнымъ въ примѣръ другимъ, родители, не смотря на раннее отчужденіе дѣтища, должны стяжать свою долю славы. По этому во всякой біографіи взглядъ на виновниковъ дней замѣчательнаго человѣка, ее заслужившаго, есть только справедливая, хотя и поздняя дань, отдаваемая, по поводу блестящаго настоящаго, скромному прошедшему. Указавши важность вліянія родителей, хотя и кратковременнаго, на образованіе, слѣдовательно и на судьбу дѣтей, мы безбоязненно начнемъ нашъ очеркъ служебной жизни адмирала Корнилова краткимъ взглядомъ на его просвѣщеннаго отца, и сдѣлаемъ это тѣмъ съ большею готовностію, что почтенный слуга четырехъ царствованій, принадлежа въ теченіе 19-ти лучшихъ лѣтъ своей жизни нашему сословію, провелъ ихъ въ немъ съ честію для себя и пользою для службы.

Алексѣй Михайловичъ Корниловъ учился въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и произведенъ въ офицеры въ 1782 г., послѣ долгой кампаніи въ Средиземномъ морѣ. Неизвѣстно по какому обстоятельству, *Корниловъ* командовалъ фрега-

томъ въ сраженіи при Красной Горкѣ, еще въ чинѣ лейтенанта. Впрочемъ, въ кипучій вѣкъ Екатерины, молодость не была препятствіемъ къ повышеніямъ, и что *Корнилова* оправдалъ выборъ, доказываютъ полученные имъ за сраженіе орденъ св. Георгія 4-го класса и чинъ капитанъ-лейтенанта. Поощренный въ началѣ службы, *Корниловъ*, по видимому, посвятилъ себя ей исключительно и въ послѣдствіи составилъ весьма замѣчательную книгу — «*сигналы, посредствомъ коихъ производятся тактическія дѣйствія гребнаго флота*», указалъ въ ней, какъ исполнять эти сигналы, и тѣмъ придалъ книгѣ важное тактическое значеніе. До сихъ поръ, по этой части, не издавалось у насъ ничего подобнаго, и въ прошломъ году, когда обстоятельства вынудили употребить гребную флотилію для истиннаго назначенія ея, нѣкоторые любознательные офицеры, ожидая настоящаго дѣла, прибѣгнули къ наставнику минувшаго вѣка. Книга выказываетъ способности и трудолюбіе сочинителя, и съ изданіемъ ея связано замѣчательное въ жизни *Корнилова* обстоятельство. Въ послѣдніе годы царствованія Императрицы, авторъ рѣшился поднести рукопись генералъ-адмиралу *Павлу Петровичу*, что было оцѣнено Государемъ по воцареніи. *Корниловъ*, пожалованный въ чинъ капитана 2-го ранга въ 1797 году, чрезъ полтора года былъ уже капитаномъ 1-го ранга и начальствовалъ «каноперскою эскадрою державнаго ордена Іоанна Іерусалимскаго», имѣя командорскій орденскій знакъ. Потѣшая передъ Петергофомъ державнаго гроссъ-мейстера, *Корниловъ* работалъ для истинной цѣли, повѣрялъ свою рукопись на дѣлѣ и издалъ ее въ 1800 году. Оставя, со вступленіемъ на престолъ Александра Благословеннаго, морскую службу, Алексѣй *Корниловъ* продолжалъ быть полезнымъ на гражданскомъ поприщѣ, въ званіи губернатора самыхъ отдаленныхъ областей имперіи—сначала Иркутска, потомъ Тобольска—и, не довольствуясь добросовѣстнымъ выполненіемъ обязанностей, оставилъ преемникамъ полезное руководство: «Замѣчанія о Сибири». Въ прибавленіи къ нимъ, говоря о воспитаніи въ Китаѣ, *Корниловъ*, между прочимъ, писалъ: «какъ бы законы, которыми управляется госу-

дарство, премудры и совершенны ни были, они тогда только могутъ имѣть благодѣтельное вліяніе на судьбу народа, когда исполненіе оныхъ будетъ поручено людямъ благонамѣреннымъ и просвѣщеннымъ; иначе самыя лучшія учрежденія правительства получатъ превратное дѣйствіе, и законы останутся безгласны. — Природа одаряетъ человѣка большими или меньшими способностями ума; воспитаніе даетъ ему правила, которыми онъ руководствуется въ жизни, внушаетъ ему уваженіе къ законной власти, любовь къ порядку, чувство справедливости, прямой чести и взаимныхъ обязанностей между собою. Природа творитъ великихъ, необыкновенныхъ мужей, имена которыхъ живутъ въ потомствѣ; воспитаніе образуетъ полезныхъ гражданъ и вѣрныхъ сыновъ отечества».

Человѣкъ, проповѣдывавшій такія истины и прилагавшій свои понятія къ дѣлу, безъ сомнѣнія, заботился, по мѣрѣ силъ и возможности, о воспитаніи дѣтей своихъ; но эти силы и возможность были скудны, недостаточны. Оставя мѣсто губернатора въ 1807 году, онъ жилъ въ небольшомъ родовомъ имѣніи своемъ, въ Тверской губерніи. Тамъ Владиміръ *Корниловъ*, родившійся въ 1806 году, получилъ первоначальное образованіе вмѣстѣ съ людьми сосѣда-помѣщика и въ 1821 году опредѣленъ въ морской корпусъ. Вѣроятно, онъ былъ довольно далекъ въ математикѣ, потому что въ 1823 году уже выдержалъ экзаменъ въ офицеры, сдѣлавши двѣ кампаніи на фрегатѣ «Малый». И такъ, спеціальное воспитаніе Владиміра *Корнилова* кончилось въ два года. Въ корпусѣ онъ выучился всему, требуемому на экзаменѣ, и, съ благословеніемъ родителей, переѣхавшихъ въ Петербургъ по случаю назначенія отца сенаторомъ, вступилъ на поприще службы и жизни 16-ти лѣтъ отъ роду. Предположивши даже возможную способность и благонамѣренность въ воспитателяхъ, юный мичманъ, конечно, не могъ, по выходѣ изъ корпуса, дать себѣ отчета въ своемъ призваніи. Всему учившись—онъ ничего не зналъ основательно, не имѣлъ направленія; одаренный природою—былъ способенъ на все и ни на что особенно не годенъ.

Проведя нѣкоторое время въ развлекающей сферѣ сто-

личной жизни, Владиміръ *Корниловъ*, по просьбѣ отца, уважаемаго прежними товарищами, занимавшими уже тогда значительныя мѣста во флотѣ, былъ назначенъ на шлюпъ «Смирный» — капитанъ-лейтенантъ *Дохтуровъ*, отправлявшійся въ Тихій океанъ для охраненія торговли нашихъ американскихъ колоній. Нѣсколько судовъ уже прежде ходили съ тою же цѣлью, и въ плаваніи ихъ, требовавшемъ настоящаго военно-морскаго порядка, образовались отличные офицеры. Въ послѣдствіи не было почти дальнихъ посылокъ, въ которыхъ офицеръ могъ бы пріобрѣсть полезную для большинства опытность и сознаніе необходимой на морѣ, строгой, основанной на разсудкѣ и убѣжденіи, дисциплины. Такъ называемыя дальнія плаванія ограничивались перевозкою на транспортахъ казеннаго груза въ Камчатку, по тому же извѣданному, не представлявшему никакихъ особенностей пути, и рѣдкіе командиры успѣвали достичь важнѣйшей представляемой такимъ плаваніемъ пользы — пріохотить подчиненныхъ къ морю въ слѣдствіе долгой жизни на кораблѣ. Посылались изрѣдка ученыя экспедиціи, обогащавшія науку, доставлявшія офицеровъ образованныхъ, способныхъ развить извѣстную часть дѣла; но, по исключительной цѣли плаванія, въ подобныхъ кампаніяхъ не могъ родиться въ большинствѣ офицеровъ точный взглядъ на службу вообще и на флотъ, какъ на средство охраненія государства, что, безъ сомнѣнія, есть главнѣйшая цѣль учрежденія всякой военной силы (1).

«Смирный» былъ разслабленъ памятными бурями 1824 г. въ Нѣмецкомъ морѣ, и, прозимовавши въ норвежскомъ портѣ Арендаль, возвратился въ слѣдующемъ году въ Кронштадтъ. Попытка молодаго *Корнилова* посмотрѣть на края отдаленные не удалась. Снова прилѣпился онъ къ столицѣ и въ 1825 году былъ прикомандированъ къ гвардейскому

---

(1) Разумѣется, во всемъ могутъ быть исключенія, и замѣчанія эти мы относимъ преимущественно къ новѣйшимъ экспедиціямъ въ Камчатку. Подобныя плаванія, сдѣлавшись обыкновенными, потеряли занимательность; къ тому же, посылаемыя суда оставались въ Камчаткѣ; служившіе на нихъ, возвращаясь берегомъ, не подвергались суду цѣлаго сословія. Устранилась важная побудительная причина, изчезло и самое рвеніе.

экипажу, по недостатку въ немъ офицеровъ. Командиръ экипажа скоро удалилъ *Корнилова*, не найдя въ немъ достаточной для фронта бодрости. Такъ поняли мичмана, кокорый, черезъ 30 лѣтъ, появленіемъ своимъ вселялъ увѣренность въ сердца робкія, незакаленныя еще въ бою, и поражалъ мужественнымъ спокойствіемъ духа людей, чаще его подвергавшихся опасности! Такъ угадали восторженнаго вождя, который, въ минуту явной гибели, въ присутствіи врага сильнаго числомъ и искуствомъ, при недостаточныхъ, дѣтскихъ средствахъ въ борьбѣ съ нимъ, произнесъ памятныя слова: «*отступленія не будетъ; сигналовъ ретирады не слушать, и, если я велю отступать, коли меня*»! Впрочемъ, способность узнавать людей не можетъ быть общимъ достояніемъ.

Корниловъ продолжалъ служить, кажется, при 20 мъ экипажѣ, сдѣлалъ въ 1826 мъ году какой-то походъ, а въ 1827, по отношеніямъ отца съ адмираломъ *Сенявинымъ*, переведенъ въ 12 й экипажъ и назначенъ на корабль «Азовъ», отправлявшійся въ Средиземное море. Это новое назначеніе имѣло столь важное вліяніе на будущность неустоявшагося еще молодаго человѣка, что непростительно было бы пройти его, подобно другимъ служебнымъ случайностямъ, видимымъ въ формулярныхъ спискахъ. Поверхностное воспоминаніе объ этомъ назначеніи отдалило бы даже цѣль настоящей статьи—не только удовлетворять любопытству, но и служить нѣкоторымъ руководствомъ желающимъ идти тою же стезею. Такъ мы понимаемъ біографію вообще. Остановимся же на время въ повѣствованіи и съ благоговѣніемъ обратимся къ памяти наставника, которому случай отдалъ молодаго мичмана, пущеннаго въ море жизни подъ всѣми парусами, но безъ руля; живаго, умственно бойкаго, но не избравшаго еще цѣли: колебавшагося между желаніемъ трудиться и весело жить, между охотою къ занятіямъ и пріятнымъ бездѣльемъ, между долгомъ и заманчивыми удовольствіями.

Жизнь человѣка слишкомъ кратковременна для приведенія въ исполненіе важныхъ предначертаній, если обстоятельства ставятъ его въ завидное положеніе быть полез-

нымъ государству не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Да и возможныя усилія во время самой жизни, по недостаткамъ человѣческой природы, не приведутъ къ совершенному успѣху, если дѣятель не изберетъ помощниковъ ревностныхъ, разсудительныхъ и проникнутыхъ убѣжденіемъ въ пользѣ избранной имъ цѣли. Не только важная отрасль управленія, но простое командованіе кораблемъ выказываетъ ясно, что, для достиженія удовлетворительной степени совершенства, познаній и усердія, одного человѣка недостаточно; въ большей или меньшей степени, всѣ подчиненные должны способствовать дѣлу. Слѣдовательно, важнѣйшая заботливость начальника должна состоять въ выборѣ способныхъ людей, которые сначала поняли бы виды его, потомъ ревностно содѣйствовали ему, и, наконецъ, если начальнику выпалъ трудъ, на который недостаточно его жизни или физическихъ силъ, могли бы изъ помощниковъ обратиться въ главныхъ дѣйствователей. При такой только системѣ будетъ въ различныхъ отрасляхъ управленія постоянная цѣль, преслѣдуемая нѣсколькими поколѣніями, вырабатываемая тщательно, осторожно, отчетливо; короче: съ пользою для государства. Только при этомъ условіи отстранится тягостное для мыслящаго человѣка зрѣлище, какъ идея, на исполненіе которой тратились милліоны, напрягались труды и способности цѣлаго народа или сословія, при вступленіи лица, съ новымъ взглядомъ или вовсе безъ него, отбрасывается за совершенно негодную, по пустому тщеславію или преступной гордости творчества. Начинаются новыя попытки, столь же легко разрушаемыя новымъ пришельцемъ, и въ этомъ вѣчномъ начинаніи, всегдашнемъ младенчествѣ, находится и самая отрасль, и дѣятели, которые не успѣваютъ узнать сущности дѣла, не имѣя ни желанія, ни возможности воспользоваться опытностію предшественниковъ.

Есть случаи, впрочемъ рѣдкіе, когда, по несчастнымъ обстоятельствамъ, послѣ долгаго вліянія равнодушія или бездарности, требуется совершенный переворотъ, полная реформа; но трудно предположить, чтобы люди, которымъ должны доставаться главнѣйшія отрасли управленія, могли

ошибаться часто, и, вообще говоря, система постоянства въ цѣли, однажды избранной, есть лучшая. Непосредственные начальники должны приготовлять подчиненныхъ, сообразно требованіямъ этой системы, и конечно лица, занимающія важныя мѣста, не могутъ оставлять по себѣ лучшаго наслѣдія. Число способныхъ, образованныхъ имъ людей, служитъ лучшимъ мѣриломъ пользы, принесенной благомыслящимъ государственнымъ мужемъ, и, разбирая его дѣянія, нужно стараться узнать, такъ же скоро и близко, кого произвелъ онъ, какъ и то, что произведено имъ. Разумѣется, счастіе создать цѣлую школу послѣдователей дается немногимъ, и, чтобъ внушить помощникамъ убѣжденіе въ пользѣ трудовъ своихъ, одушевить ихъ своими мыслями, нужно приковать необыкновенными способностями, неодолимою силою генія, или, при отсутствіи столь рѣдкаго качества, истинными нравственными достоинствами, увлекательнымъ могуществомъ благонамѣренности — это доступнѣе.

Бывшій капитанъ „Азова“ (въ послѣдствіи главный командиръ черноморскаго флота), Михаилъ Петровичъ *Лазаревъ*, отличался подобнымъ взглядомъ во всю служебную жизнь свою. Прекрасная, недоступная неправдѣ душа, указывала ему человѣка, познанія и опытность способнаго офицера, а постоянство характера и свѣтлыя понятія побуждали вести за собою однажды избранныхъ, заботясь объ ихъ усовершенствованіи. Онъ замѣтилъ способности въ молодомъ *Корниловѣ*, и, видя ихъ тратимыми на неопредѣленную цѣль, на чтеніе легкихъ или вредныхъ французскихъ авторовъ, выражалъ негодованіе на такую ошибочную умственную дѣятельность строгими взысканіями за всѣ промахи по службѣ. Бѣдный мичманъ, съ трудомъ перенося гоненія, вспомнилъ прежняго командира и думалъ, что новый преслѣдуетъ его по той же причинѣ. *Корнилов* хотѣлъ уже просить графа *Гейдена*, замѣнившаго на кораблѣ *Сенявина*, о переводѣ его къ другому командиру; но, сжалясь наконецъ надъ подчиненнымъ, Михаилъ Петровичъ рѣшился объясниться съ нимъ. Онъ просилъ *Корнилова* сказать ему откровенно: желаетъ ли онъ продол-

жать службу во флотѣ, и, по утвердительномъ отвѣтѣ, выразилъ свой взглядъ на обязанности морскаго офицера, необходимость образовывать себя для службы, изучать языки, на которыхъ болѣе сочиненій по морской части, и наконецъ читать эти сочиненія вмѣсто бывшихъ на полкѣ въ скромной каютѣ мичмана. Покойный Владиміръ Алексѣевичъ очень любилъ разсказывать объ этой эпохѣ своей жизни и увѣрялъ, что капитанъ не удовольствовался силою убѣжденія, а выбросилъ всю его библіотеку за бортъ, замѣнивъ ее книгами изъ собственной своей. Не знаемъ, простеръ ли Михаилъ Петровичъ до этой степени свое ожесточеніе на французскихъ писателей XVIII вѣка. Убѣжденный, что подобные менторы *свернули бы* 20-ти лѣтнему юношѣ *тонъ*, можетъ быть рѣзкій еще тогда въ своихъ привычкахъ, капитанъ и посягнулъ на такое истребленіе. Достовѣрно, что *Корниловъ* началъ заниматься дѣломъ, учиться, слѣдить за собою, короче—жить новою жизнію.

Долгая кампанія въ Средиземномъ морѣ, примѣчательная блистательнымъ эпизодомъ Наварина и послѣдовавшею за тѣмъ военною дѣятельностью, произвела нѣсколько отличныхъ офицеровъ, а соревнованіе, возбужденное присутствіемъ иностранныхъ эскадръ, и самолюбіе, терзаемое при сравненіи, породило въ тѣхъ изъ нихъ, которые были созданы или находились подъ вліяніемъ способныхъ начальниковъ, желаніе вывести флотъ нашъ изъ пагубнаго, возмущавшаго душу застоя. Михаилъ Петровичъ не любилъ торопиться въ дѣлахъ нѣкоторой важности и не баловалъ подчиненныхъ, не увѣрясь предварительно въ твердости выказаннаго ими направленія; поэтому *Корниловъ* получилъ во всю кампанію только орденъ Св. Анны 4-й степени и возвратился въ Кронштадтъ въ 1830 году, произведенный по линіи въ лейтенанты, на томъ же кораблѣ «Азовъ», подъ флагомъ своего начальника - наставника, пожалованнаго чиномъ контръ - адмирала за наваринское сраженіе. Михаилъ Петровичъ оцѣнилъ однакожь *Корнилова*, что видно изъ назначенія его, 24 лѣтъ отъ роду, командиромъ тендера „Лебедь“, въ 1831 г. Къ судамъ этого рода адмиралъ, по воспоминаніямъ молодости, имѣлъ, мож-

но сказать, пристрастіе. — „Лебедь“ былъ меньшее изъ судовъ, на которыхъ образовалась новая школа моряковъ, и теперь, когда польза въ обширномъ объемѣ, вмѣстѣ съ громкими подвигами и, къ сожалѣнію, славною смертію людей, служившихъ ей украшеніемъ, выказали плоды скромныхъ, но долговременныхъ трудовъ, врядъ ли зависть и злоба рѣшатся мѣтать ядовитыя стрѣлы свои противъ самой системы, ея приверженцевъ и незабвеннаго учителя. По возвращеніи изъ Средиземнаго моря, М. П. *Лазареву* была поручена постройка и изготовленіе эскадры, долженствовавшей служить образцомъ какъ въ устройствѣ, такъ въ отношеніи къ военной дѣйствительности, и всякій безпристрастный морякъ-современникъ согласится, что адмиралъ *Лазаревъ* и избранные имъ командиры вполнѣ оправдали довѣріе новаго морскаго начальства и ожиданія флота.

На крошечномъ «Лебедѣ» *Корниловъ* плавалъ до 1833 года. Покровитель его былъ, между тѣмъ, сдѣланъ въ 1832 начальникомъ штаба черноморскаго флота, и мало по малу переводилъ туда любимыхъ помощниковъ своихъ. *Корниловъ* явился въ Черное море, когда часть флота, подъ начальствомъ Михаила Петровича, была уже въ Босфорѣ, по случаю приближенія *Ибрагимъ-паши* къ Константинополю. Подробности этой экспедиціи, которою началась новая эра черноморскаго флота, принадлежатъ біографіи Михаила Петровича, какъ главнаго дѣйствователя, и мы упомянемъ о ней только съ цѣлью выказать, что адмиралъ уже видѣлъ въ *Корниловѣ* человѣка, котораго нужно было познакомить съ разнообразными занятіями, выпадающими на долю морскаго офицера съ талантами и будущностью. Для отвоза въ Босфоръ, *Корниловъ* былъ назначенъ на одинъ изъ кораблей, шедшихъ туда на усиленіе эскадры *Лазарева*. Непріязненно смотрѣли новые сослуживцы на „балтійскаго выходца“ и, не подозрѣвая отношеній его съ начальникомъ, весьма жестко приняли. На кораблѣ все рѣшалось сеймомъ, и новичка при первомъ случаѣ сбыли, откомандировавши на жалкое, зафрахтованное подъ войско, купеческое судно. На немъ явился *Корниловъ* въ Босфоръ и былъ тотчасъ же назначенъ для особыхъ порученій къ

начальнику эскадры, исполняя въ то же время обязанности вахтеннаго лейтенанта. Какъ видно, Михаилъ Петровичъ имѣлъ особенный способъ отличать своихъ любимцевъ, не всѣмъ свойственный.

Главнѣйшимъ занятіемъ *Корнилова* въ кампанію 1833 года, проведенную товарищами его среди непрестанныхъ торжествъ въ Константинополѣ, было описаніе укрѣпленій Дарданельскаго пролива и Босфора, составленное имъ вмѣстѣ съ лейтенантомъ *Путятинымъ*. Въ экспедиціи участвовали офицеры генеральнаго штаба, и трудолюбивые лейтенанты занимались преимущественно гидрографическою стороною дѣла и укрѣпленіями, какъ средствами морской обороны обоихъ проливовъ. На долю ихъ достался трудъ и даже лишенія, тамъ, гдѣ другіе забывались въ шумномъ весельѣ и пользовались всѣми удобствами жизни подъ роскошнымъ небомъ, среди восхитительной природы. Михаилъ Петровичъ выставилъ полезные труды питомцевъ своихъ, и *Корнилову* былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени.

Въ слѣдствіе пріязненныхъ отношеній съ Портою, развитыхъ босфорскою экспедиціею, начались тѣ постоянныя кампаніи въ Средиземномъ морѣ, которыя успѣли принести черноморскому флоту существенную пользу, познакомивъ, съ 1834 по 1854 годъ, большую часть офицеровъ его съ иностранными морскими силами и пріохотивъ ихъ къ службѣ увлекательною ея стороною — пріятными, доступными всякимъ средствамъ путешествіями, представляющими самый легкій способъ образованія. Ежегодно посылались сначала три, потомъ четыре судна, на станціи въ Босфоръ и Аѳины, и въ первой серіи этихъ судовъ былъ вновь выстроенный въ Николаевѣ бригъ «Ѳемистоклъ», которымъ командовалъ лейтенантъ *Корниловъ*. Явившись осенью 1834 года къ нашему представителю при портѣ, тайному совѣтнику *Бутеневу*, *Корниловъ*, въ кратковременное пребываніе свое въ проливѣ, успѣлъ заслужить лестный отзывъ просвѣщеннаго посланника, писавшаго о немъ своему недавнему босфорскому товарищу: „бригъ „Ѳемистоклъ“, примѣрнымъ попеченіемъ своего командира, содержится въ са-

момъ лучшемъ видѣ и смѣло можетъ соперничать съ иностранными военными судами".

Стоянка въ Босфорѣ была употреблена *Корниловымъ* на образованіе своихъ молодыхъ офицеровъ; но скоро затрудненія, встрѣчаемыя со стороны посольства для испрашиванія дозволенія на проходъ Дарданеллами, всякій разъ, что *Корнилову* хотѣлось выйти на просторъ, понудили командира „Ѳемистокла" искать поста болѣе соотвѣтствующаго его характеру, на которомъ онъ могъ бы удобнѣе заняться усовершенствованіемъ подчиненныхъ. Въ слѣдствіе просьбы его, Михаилъ Петровичъ перевелъ бригъ изъ тихихъ убаюкивающихъ водъ Босфора въ Пирей, гдѣ движенія „Ѳемистокла", подчиняясь волѣ одного посланника, были болѣе независимы. — Въ 1835 году первые черноморскіе средиземцы возвратились въ Россію, и всякій изъ насъ живо помнитъ ощущенія, возбуждавшіяся ловкимъ, быстрымъ управленіемъ „Ѳемистокла" и „Ифигеніи". Дружно соперничали они полезными упражненіями своихъ командъ и неподдѣльнымъ порядкомъ. Командиръ „Ѳемистокла" началъ пользоваться репутаціею распорядительнаго, толковаго начальника, и это достоинство, тотчасъ замѣчаемое подчиненными, всегда особенно отличало его. Въ 1836 году, *Корниловъ*, произведенный еще за границею въ капитанъ-лейтенанты, гарцовалъ съ своимъ лихимъ бригомъ по Черному морю, а въ 1837 году назначенъ командиромъ корвета „Орестъ".

Несомнѣнныя уже достоинства и способности, еще ближе узнанныя начальникомъ, по возникшимъ отношеніямъ родственнымъ, быстро повели Владиміра Алексѣевича по пути службы. Съ 1838 по 1842 г. онъ получилъ многіе знаки отличія, чины капитана 2-го и 1-го рангова и сдѣлался командиромъ 120-пушечнаго корабля „Двѣнадцать Апостоловъ", заложеннаго въ Николаевѣ въ 1840 г. Во время постройки корабля и въ послѣдствіи плавая на немъ, *Корниловъ* былъ постоянно начальникомъ штаба во флотѣ, когда главный командиръ поднималъ флагъ; своею дѣятельностію и умѣньемъ обращаться со всѣми, отъ кого зависѣло дѣло, онъ много способствовалъ успѣху экспедицій на восточный

берегъ Чернаго моря, производившихся соединенно съ сухопутными силами, и съ того времени флотъ уже угадывалъ въ немъ человѣка, которому предстояли важныя обязанности.

Возвращаясь въ Николаевъ съ своимъ покровителемъ, *Корниловъ* трудился неусыпно надъ „Двѣнадцатью Апостолами“ и надъ тяжкою редакціею штатовъ. Многимъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что способности быстрыя, многообъемлющія, были употреблены на повѣрку цифръ; но не только редакція, а самая корректура, въ этомъ случаѣ, была весьма важна, требовала добросовѣстности, неутомляемой сухостію дѣла, и настойчивости въ достиженіи возможной безошибочности. Самыя данныя, въ слѣдствіе перемѣнъ, указанныхъ опытомъ, послѣ составленія рукописи, и извѣстій, сообщенныхъ изъ Англіи посылавшимися туда офицерами, во многомъ нужно было измѣнить, и такой трудъ могъ совершить только человѣкъ, понимавшій дѣло. Впрочемъ, вѣроятно, на переходѣ *Корнилова* отъ исполнительности къ распорядительности, отъ низшихъ ступеней, требующихъ болѣе труда, нежели соображенія, къ тѣмъ, на которыхъ соображеніе становится главнымъ достоинствомъ, Михаилъ Петровичъ хотѣлъ еще разъ испытать его тяжелою безотрадною работою. Польза штатовъ 1840 года очевидна для всякаго моряка, особенно для тѣхъ, которымъ приходилось командовать судами или снаряжать ихъ подъ своею отвѣтственностію. Мелочныя подробности, въ нихъ указанныя, облегчаютъ дѣло; это лучшая справочная книга нашей части, и подобнаго труда, вмѣстѣ полезнаго и гигантскаго, нигдѣ не существуетъ. Теперь многое измѣнилось уже, въ слѣдствіе введенія новаго рода судовъ, но всѣ штаты 1840 года будутъ долго еще служить руководствомъ, базою — и дерзкая рука неопытности, конечно, не рѣшится преждевременно разбить этихъ скрижалей, начертанныхъ глубокимъ знаніемъ и горячею любовію къ дѣлу. Между служебными занятіями, *Корниловъ* приготовилъ и издалъ въ 1839 г. переводъ „Морской службы въ Англіи“, прекраснаго руководства для молодыхъ офи-

церовъ, знакомящаго ихъ съ подробностями карабельнаго порядка и управленія.

Корабль „Двѣнадцать Апостоловъ“ вышелъ въ первый разъ въ море въ 1842 году, и по 1846 годъ, за исключеніемъ одного лѣта, проведеннаго въ отпуску, Владиміръ Алексѣевичъ плавалъ на немъ по Черному морю, доводя всѣ части до возможнаго совершенства. „Двѣнадцать Апостоловъ“ былъ рѣдкое явленіе во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ образецъ корабельной архитектуры, намъ не случалось видѣть ничего подобнаго до введенія винтовыхъ кораблей. Строитель разрѣшилъ въ немъ трудную задачу—соединеніе громадности съ необыкновеннымъ изяществомъ формъ и превосходными морскими качествами, и во всемъ выказывались познанія командира, его разсудительность и соображеніе. Внутреннее устройство, прекрасное въ началѣ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ плаванія, указавшихъ недостатки, стало безукоризненно. Всѣ приспособленія къ облегченію различныхъ дѣйствій и къ содержанію корабля въ всегдашнемъ порядкѣ, нарушимомъ неожиданностью, были собраны на этомъ истинно образцовомъ суднѣ, и никакой критическій глазъ, кромѣ развѣ ничѣмъ неудовлетворимой зависти или злонамѣренности, не могъ отыскать чего-нибудь не имѣвшаго цѣли и значенія. „Двѣнадцать Апостоловъ“ могъ служить прекрасною школою талантливому наблюдательному офицеру, и, въ послѣніе годы командованія *Корнилова*, представлялъ во всѣхъ отношеніяхъ предметъ, достойный тщательнаго изученія. Весьма полезно было бы, еслибъ подробные чертежи этого корабля, описаніе его вооруженія, распредѣленіе команды къ бою и для различныхъ маневровъ, способы принятаго обученія артиллеріею, оружіемъ и самые приказы и инструкціи командира, были извѣстны каждому служащему во флотѣ. Все это составлялъ и собиралъ человѣкъ дѣльный, чрезвычайно ревностный и особенно способный къ власти.

Когда прекращались плаванія, Владиміръ Алексѣевичъ выполнялъ различныя порученія Михаила Петровича. Одно изъ нихъ весьма памятно цѣлому сословію послѣдствіями, которыя имѣло на его умственную дѣятельность; мы хо-

тимъ говорить о преобразованіи севастопольской офицерской библіотеки. Въ отдаленномъ городѣ, лишенномъ всѣхъ средствъ разнообразящихъ жизнь, при небольшемъ неизмѣняющемся обществѣ, публичная библіотека представляетъ единственное полезное развлеченіе въ часы отдохновенія. Предшественникъ *Михаила Петровича*, *адмиралъ Грейгъ*, понялъ необходимость подобнаго учрежденія и основалъ его ежегодными вычетами съ офицеровъ. Были изданы прекрасныя правила и начали выписывать полезныя сочиненія, но въ послѣдствіи, какъ весьма часто, къ сожалѣнію, случается, исполнители воли адмирала обратили обязанность въ рутину, и самое общество, занятое турецкою войною и послѣдовавшими за нею событіями, охладѣло къ тому, что въ мирное, ничѣмъ особенно не занимательное, время, доставляло единственную отраду. Вкрались послабленія и потомъ злоупотребленія: зданіе приходило въ упадокъ, книгъ выписывалось мало, и тѣ, странствуя едва ли не по цѣлой южной Россіи, читались всѣми, кромѣ имѣвшихъ на то право. Журналы и періодическія изданія, интересъ коихъ состоитъ преимущественно въ свѣжести, новизнѣ, были достояніемъ лицъ, пользовавшихся, по своему чину или вліянію, исключительною привиллегіею не быть невѣждами. Нужно было совершенно измѣнить такой порядокъ вещей, жертвуя легко оскорбляющимся самолюбіемъ людей привиллегированныхъ, привыкшихъ злоупотребленіе считать правомъ, и вмѣстѣ не подражая, въ угнетенномъ дотолѣ большинствѣ понятій, вредныхъ составу военнаго общества. На такой переворотъ требовался человѣкъ ловкій и вмѣстѣ характерный, осторожный и настойчивый, не колебавшійся, когда нужно было искоренить зло для общей пользы, понимавшій что̀ и какъ уступить сѣдому тщеславію безъ вреда юной любознательности. Выборъ Михаила Петровича палъ на Корнилова. Само собою, родились неудовольствія на секретаря-казначея; назначаемыя ежегодно, изъ неважныхъ по званію, лицъ, ревизіонныя коммисіи стали было считать опасными обществами потому только, что они вступили въ свои права и повѣряли не одни корешки выписываемыхъ книгъ, а сущность ихъ и трату обществен-

ной суммы. Многіе не хотѣли «толкаться съ мичманами въ журнальной комнатѣ» и требовали, по прежнему, журналовъ на квартиру; другіе желали, чтобъ присылаемымъ за книгами лакеямъ вѣрили какъ имъ самимъ. Ропотъ былъ сильный и остановилъ бы людей, менѣе убѣжденныхъ въ пользѣ принятой мѣры, нежели *Михаилъ Петровичъ* и избранный имъ исполнитель. Мало по малу все затихло, безъ жесткихъ мѣръ, безъ ссоръ и безъ значащихъ уступокъ. Общество, поняв̀ши свою выгоду, не только не раздѣлилось на партіи, напротивъ, связалось еще болѣе, посѣщая съ охотою новую великолѣпную библіотеку. И въ ней не было «толкотни», которой такъ опасались стоявшіе за прежнія права свои; сталкивались только мысли — даръ Божій, равно блещущій дивною силою въ знатномъ и простолюдинѣ, подъ пышной тогою и бѣднымъ рубищемъ. Истекши отъ высшей надъ сословіемъ власти, тихо совершилась умственная реформа чрезъ наружныя средства, и вліяніе ея на черноморцевъ никто не оцѣнитъ справедливѣе ихъ самихъ. Главнымъ виновникомъ, послѣ адмирала, былъ Владиміръ Алексѣевичъ, и заслуга его въ этомъ случаѣ, хотя немногимъ извѣстная, есть заслуга важная: цѣлому сословію облегчены средства къ просвѣщенію.

Мы привели служебную жизнь Корнилова къ тому времени, когда достоинства его выказались уже успѣшными, важными по вліянію, дѣйствіями, служившими прочнымъ залогомъ способности его занять значительное мѣсто во флотѣ. Ему оставалось пріобрѣсть общій обширный взглядъ на разныя части управленія, и съ этою, конечно, цѣлью адмиралъ *Лазаревъ*, по случаю заказа въ Англіи небходимыхъ для черноморскаго флота пароходовъ, командировалъ туда своего питомца въ 1846 году. Наблюденіе за постройкою нѣсколькихъ судовъ было только опредѣленною цѣлью, оффиціальнымъ назначеніемъ; въ самомъ же дѣлѣ, изъ записокъ и замѣтокъ Корнилова, бывшихъ въ нашихъ рукахъ, мы видимъ, что онъ входилъ въ малосложную, но чрезвычайно правильную систему управленія огромными морскими силами, оцѣпляющими вселенную. При таинственности англійскаго правительства и даже частныхъ лю-

дей, во всемъ относящемся до флота, при неблагопріятномъ взглядѣ на подобныя порученія лицъ, которыя наиболѣе должны были бы споспѣшествовать успѣху ихъ для пользы нашего отечества, собраніе свѣдѣній, относящихся до всего морскаго, въ Англіи чрезвычайно затруднительно, и жизнь назидательная, доставляющая столько средствъ къ усовершенствованію, требуетъ усильнаго труда, даже часто бываетъ непріятна. Изъ нѣкоторыхъ писемъ Корнилова видно, какъ боролся онъ между желаніями продлить срокъ своего окончательнаго, такъ сказать, образованія и выйти изъ тягостнаго, постоянно неопредѣленнаго положенія, въ которомъ находился на чужбинѣ, при холодности соотчичей и подозрительности англичанъ. Дѣятельность по постройкѣ цѣлой почти эскадры притупляла нравственныя страданія физическою усталостію, и мы не дивимся теперь восторгу, который замѣтили въ человѣкѣ, дотолѣ казавшемся намъ холоднымъ, по возвращеніи его въ отечество на борзомъ «Владимірѣ». Не вмѣняя такому офицеру въ особенную заслугу успѣшное исполненіе техническаго порученія, мы скажемъ однакожъ, что въ европейскихъ флотахъ не было колеснаго парохода, соединявшаго съ сильною артиллеріею быстроту хода и другія качества, въ такой степени какъ «*Владиміръ*».

По возвращеніи изъ Англіи въ 1848 году, Владиміръ Алексѣевичъ произведенъ въ контръ-адмиралы и, въ началѣ 1849 г., назначенный исправлять должность начальника штаба черноморскаго флота, сталъ оффиціально первымъ, ближайшимъ помощникомъ своего покровителя. Летучія эскадры, довѣренныя *Корнилову* въ 1848 и 1849 годахъ, показали въ немъ способности адмирала, а полезная помощь начальнику, уже начинавшему чувствовать тягость лѣтъ, свидѣтельствовала о его административныхъ достоинствахъ. Съ жаромъ человѣка свѣжаго и, сравнительно, молодаго, убѣжденнаго въ пользѣ предначертаній опытнаго руководителя, принялся Владиміръ Алексѣевичъ за пересмотръ плановъ и предположеній адмирала, внося въ нихъ все, что указало ему послѣднее пребываніе въ Англіи, но слѣдуя къ той же цѣли; не отвергая цѣлаго, но представ-

ляя начальнику только необходимыя перемѣны, указываемыя новымъ направленіемъ морскаго искуства. Опередивъ командировъ кораблей, *Корниловъ* предоставилъ ихъ вліянію всѣми цѣнимаго адмирала, а самъ занялся въ особенности молодыми капитанами, и въ два года между мелкими судами не было уже особенно отличавшихся искусствомъ въ управленіи. Легкіе отряды, по прежнему безпрестанно плавая и подвергаясь строгому надзору, образовывали офицеровъ и команды, и отъ нихъ выигрывала боевая часть флота, принимая выученныхъ. Разумѣется, нѣкоторые, желая угодить энергическому начальнику, вдались въ крайности и покупали совершенство слишкомъ дорогою цѣною; другіе, не понявши *Корнилова*, думали удовлетворить его эффектомъ, и сначала возбужденное соревнованіе произвело-было вредъ; но проницательный адмиралъ не давался въ обманъ и рѣзкимъ словомъ, ему свойственнымъ, уничтожалъ тѣхъ, которые рѣшались позорить искуство, превращая его въ акробатическія представленія.

Смерть *Михаила Петровича*, въ 1851 году, поставила *Корнилова* внезапно, и можетъ быть преждевременно, въ совершенное новое положеніе: онъ сдѣлался лицомъ отвѣтственнымъ передъ Государемъ и Россіею. Понимая, что отъ него въ правѣ требовать необыкновеннаго, опасаясь показаться недостойнымъ наставника, изъ рукъ котораго перешло къ нему наслѣдіе, не привыкши еще къ обширной, самостоятельной власти, *Корниловъ* находился въ лихорадочномъ состояніи и для многихъ, можетъ быть, былъ непріятенъ; но исключительное положеніе — отвѣтственность безъ обнародованной власти, возложенная на него въ разрушеніе системы старшинства, безспорно вредной, но существовавшей во флотѣ издавна — извиняетъ *Корнилова* въ глазахъ людей практическихъ, способныхъ понимать природу человѣка при различныхъ условіяхъ. Это внутреннее волненіе скоро утихло, и отъ поднявшейся на время бури осталась только благодѣтельная свѣжесть тамъ, гдѣ прошла она. Скоро сословіе примирилось съ *Корниловымъ*, видя и его достоинства, и милости Царя, назначившаго его сначала въ свиту, а потомъ, въ 1852 году,

генералъ-адъютантомъ, съ производствомъ въ вице-адмиралы. Сомнѣнія были разсѣяны: *Корнилова* признали будущимъ главнымъ начальникомъ.

Между тѣмъ, въ 1850 году, родилась мысль подарить флоту новыя узаконенія, или, говоря правильнѣе, согласить прежнія съ духомъ времени и пополнить ихъ соотвѣтственно распространившимся требованіямъ службы. Законы выводятся изъ обычаевъ общества и служатъ выраженіемъ его нравомъ, слѣдовательно отъ времени до времени должны измѣняться соотвѣтственно ходу общественной жизни, иначе въ приложеніи ихъ къ дѣлу встрѣтятся затрудненія и, наконецъ, вкрадется произволъ; а неисполненіе смысла законовъ вводитъ беззаконіе. И петровское дѣло, какъ трудъ человѣка, не могло имѣть вѣчнаго достоинства; уставу его во многихъ случаяхъ нельзя было слѣдовать въ наше время. Способъ пересмотра узаконеній, принятый во флотѣ, обѣщалъ, болѣе всякаго другаго, возможный успѣхъ. Образовался комитетъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адмирала. Не довѣряя себѣ въ дѣлѣ столь важномъ, комитетъ составилъ только проектъ новаго устава и отдалъ его на обсужденіе самаго сословія, для котораго онъ долженъ былъ служить руководствомъ. Въ числѣ призванныхъ къ важному дѣлу, начальниковъ и подчиненныхъ, былъ Владиміръ Алексѣевичъ. Онъ предался труду, понимая все значеніе его; безъ опасенія, свойственнаго завистливой посредственности, выполнилъ волю Августѣйшаго предсѣдателя — дать обществу право обсудить свои законы, поручивъ различные отдѣлы пересмотру нѣкоторыхъ офицеровъ, не имѣвшихъ на службѣ важнаго оффиціальнаго значенія, и представилъ много замѣчаній, теперь встрѣчаемыхъ въ уставѣ.

Этимъ кончаются мирные труды *Корнилова*. Въ 1853 г. начался настоящій (восточный) вопросъ. Проводивъ князя *Меншикова* въ Константинополь, исполнивъ данное ему порученіе въ Аѳинахъ, Владиміръ Алексѣевичъ возратился въ Севастополь, и, не сомнѣваясь въ близости разрыва, приступилъ къ боевымъ маневрамъ, которыми отличалась кампанія черноморскаго флота въ теченіе лѣта. То не

были только полезныя упражненія, развязывавшія офицеровъ и экипажи—началась наука. Атаки при различныхъ положеніяхъ, въ которыхъ можно было ожидать встрѣчи съ непріятелемъ въ морѣ и на якорѣ, нападеніе на укрѣпленные порты, взятіе десантовъ, высадка, помощь сухопутнымъ войскамъ дѣйствующимъ у берега — всѣ случайности настоящей морской войны были пройдены, способности каждаго повѣрены и все приведено въ грозное, стройное единство.

Духъ брани протрубилъ, наконецъ, зловѣщіе свои звуки! Всколыхалась Русь—и моряки первые рвинулись на защиту чести и правъ ея. Горько воспоминаніе о славномъ прошедшемъ, стоившемъ столько мыслей, трудовъ и крови!... но неудачи и несчастія не изгладятъ изъ благодарнаго истинно-русскаго сердца, усилій необычайныхъ, жертвъ безкорыстныхъ, принесенныхъ радостно, восторженно, хотя все—и мысли и жертвы—не повели къ ожиданному успѣху! Въ скорби и сѣтованіяхъ будетъ помнить правдивый народъ нашъ и отдаленный городъ, узнанный имъ только кровавою могилою, и доблестныхъ его обитателей, которые стали извѣстны только по славной гибели.

Наступило время жертвовать собою для отечества, и *Корнилова* метался всюду съ намѣреніемъ сыскать противника и пресѣчь ему однимъ ударомъ всѣ средства къ войнѣ на морѣ. Жаждущій славнаго имени, основательной извѣстности, онъ выходилъ изъ Севастополя съ цѣлыми эскадрами, не встрѣчая противниковъ и негодуя на медленность кораблей своихъ, переносился на быстрые пароходы, мчался въ Николаевъ подвинуть средства къ борьбѣ, снова бросался на море, былъ вездѣ и всѣхъ удивлялъ изумительною дѣятельностію. Эпизоды войны съ турками принадлежатъ исторіи флота и повторялись уже неоднократно въ нашихъ журналахъ: но послѣднія заслуги *Корнилова* еще мало или вовсе неизвѣстны. Опасаясь, по недостатку положительныхъ документовъ, оскорбить истину, предоставимъ будущему высказать подробности первыхъ дней знаменитой защиты Севастополя, хотя повѣствованіе объ этихъ страшныхъ минутахъ должно было бы имѣть мѣсто въ біографіи

главнаго дѣятеля, и доведемъ бѣглый очеркъ нашъ къ горькому концу, стараясь, по возможности, выставить степень участія, принятаго *Корниловымъ* въ сохраненіи Севастополя отъ немедленнаго нападенія.

Сбитая съ Альмы, небольшая армія наша отступила 9-го сентября 1854 года къ сѣверной сторонѣ города, а потомъ перешла на южную, откуда 12-го потянулась къ Бахчисараю, чтобъ не быть отрѣзанною отъ Россіи. Единовременно съ нимъ союзники, пріостановившіеся на Бельбекѣ, направились кругомъ, къ южной сторонѣ города, и противники узнали о взаимныхъ движеніяхъ, столкнувшись на пути. Ожидая, послѣ Альмы, нападенія на сѣверную сторону, главнокомандующій оставилъ тамъ *Корнилова*. «Я началъ укрѣпляться на сѣверной сторонѣ», пишетъ онъ отъ 12-го сентября. «Матросы работали и день, и ночь. Всего у насъ до 10,000 свезенныхъ съ кораблей матросовъ и 2,000 резервныхъ, съ саперами вмѣстѣ». Отъ 13-го «непріятель потянулся густыми колоннами на Инкерманъ; къ вечеру передовой отрядъ его былъ по ту (южную) сторону Черной рѣчки. О главнокомандующемъ сбивчивые слухи: казалось, онъ на Мекензіевой дачѣ, а нѣкоторые утверждаютъ, что онъ ретируется къ Бахчисараю; я же перебрался въ городъ, полагая, что тамъ будетъ дѣло и укрѣпленія сѣверной стороны останутся въ покоѣ»

И присутствіе его въ городѣ было, дѣйствительно, необходимо. Не входившія въ разсчетъ обстоятельства поставили Севастополь въ гибельное положеніе. Безъ достаточнаго гарнизона, безъ защиты искуственной со стороны угрожаемой непріятелемъ, городъ находился съ начальниками, власть которыхъ не была опредѣлена на подобную случайность. Корниловъ же, по данному ему праву, могъ распоряжать только оборотною сѣверной стороны. Нужно было мгновенно измѣнить такое положеніе, и, не страшась отвѣтственности при вѣроятной неудачѣ, не помысливъ даже о легкости, съ которою могъ бы отклонить ее какъ младшій, Корниловъ произвольно, по внушенію любви къ отечеству и привязанности къ мѣсту, взялъ на себя сомнительное дѣло. Всѣ предались ему съ тою готовностію, съ

которою въ минуту гибели прилѣпляются къ человѣку, способному отдѣлить или устранить ее, такъ сказать, инстинктивно. Страсти умолкли предъ неминуемою грозою и покорились духу, видимо росшему съ бѣдою. Надлежало рѣшиться на крайнія мѣры: по приказу главнокомандующаго, затопили корабли, чтобъ преградить непріятелю входъ въ бухту, на что флотъ его, ободренный успѣхами арміи, могъ рѣшиться при первомъ удобномъ случаѣ. По южную сторону города начали воздвигать укрѣпленія, свозить на нихъ орудія съ судовъ, рыть рвы — и работалъ русскій воинъ съ тѣмъ рвеніемъ и чудесною силою, которыя являются въ немъ при опасности, по слову вождя, заслуживающаго его довѣрія. Не время было таить истину, и Корниловъ отдалъ слѣдующій приказъ:

«Товарищи! Войска наши, послѣ кровавой битвы съ превосходнымъ непріятелемъ, отошли къ Севастополю, чтобъ грудью защитить его.

«Вы пробовали непріятельскіе пароходы и видѣли корабли его, не нуждающіеся въ парусахъ. Онъ привелъ двойное число такихъ, чтобъ наступить на насъ съ моря. Намъ надо отказаться отъ любимой мысли разразить врага на водѣ; къ тому же мы нужны для защиты города, гдѣ наши домы и у многихъ семейства. Главнокомандующій рѣшилъ: «затопить пять старыхъ кораблей на фарватерѣ. Они временно преградятъ входъ непріятелю на рейдъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ свободныя команды усилятъ войска.

«Грустно уничтожать свой трудъ! Много было употреблено нами усилій, чтобъ держать корабли, обреченные жертвѣ, въ завидномъ свѣту порядкѣ, но надо покориться необходимости.

«Москва горѣла, а Русь оттого не погибла, но, напротивъ, стала сильнѣе. Богъ милостивъ! конечно, Онъ и теперь готовитъ вѣрному Ему народу русскому такую же участь.

«И такъ помолимся Господу, и не допустимъ врага сильнаго покорить себя! Онъ цѣлый годъ собиралъ союзниковъ и теперь окружилъ царство русское со всѣхъ сторонъ. Зависть коварна, но Царь шлетъ уже свѣжую армію, и

если мы не дрогнемъ, то скоро дерзость накажется и врагъ будетъ въ тискахъ».

Въ тотъ же день (14-го) въ письмѣ его видимъ: «непріятель занялъ Балаклаву и всѣ херсонскія бухты. Мы цѣлый день укрѣпляли городъ и распредѣлялись. Морскихъ у насъ до 10,000, резервныхъ набралось до пяти, съ разнымъ оружіемъ, *даже съ пиками*. Вотъ настоящая защита. По укрѣпленіямъ работа кипитъ, не знаемъ ни сна, ни усталости; даже арестанты усердствуютъ». 15-го: «къ вечеру непріятельскіе аванпосты утвердились на горахъ противъ города и на плоскости. Наши дѣла улучшаются. Укрѣпляемся сколько можемъ. Собрали все что могли матросовъ, взяли людей отъ обозовъ; есть теперь слишкомъ 15,000, но почти всѣ плохо пріобучены и вооружены; 4,000 порядочныхъ». — Трудно угадать, что заставило непріятеля колебаться въ немедленной атакѣ города, ибо въ письмахъ офицеровъ союзной арміи неоднократно видны увѣренія, что насыпи укрѣпленія далеко не были кончены и городъ «защищался стѣною безъ рва, не грознѣе акцизной стѣны Парижа» (une faible muraille d'enceinte sans fossé et de la force du mur d'octroi de Paris). Отъ 16-го *Корниловъ* писалъ: «между тѣмъ непріятель подступаетъ къ Севастополю.... Мы здѣсь не унываемъ, укрѣпляемся какъ можемъ, какъ средства позволяютъ. Цѣпь редутовъ, бастіоновъ и разнаго рода батарей скоро представитъ непрерывную линію пушечнаго огня».—17-го: волшебно-созданныя батареи сдѣлали первые выстрѣлы. «Прибавляемъ батареи изъ морскихъ орудій», писалъ *Корниловъ*.... «Къ вечеру явилась записка отъ.... о приближеніи 10,000 съ Жабокритскимъ къ сѣверному укрѣпленію и о движеніи нашей арміи туда же». 18-го: «наши дѣла улучшаются. Войска наши показались на высотахъ Бельбека; укрѣпленія становятся надежнѣе и надежнѣе: осматриваемся и готовимся, въ случаѣ атаки, дать русскій отпоръ». — 19-го войска наши подошли къ городу. Главнокомандующій тотчасъ усилилъ гарнизонъ — и Севастополь вздохнулъ свободнѣе. Непріятель, не рѣшившись не внезапную атаку, началъ осадныя работы,

и въ городѣ имѣли время приготовиться къ долгой, отчаянной борьбѣ. Что перечувствовалъ *Корниловъ* отъ 13-го до 19-го и сколько обязаны ему за эти памятные дни, узнаетъ Россія чрезъ правдиваго историка, который соберетъ подробности отъ лицъ, бывшихъ свидѣтелями его душевныхъ мукъ и распоряженій. 3-го октября *Корниловъ* отдалъ свой послѣдній приказъ:

«Съ перваго дня обложенія Севастополя превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ», писалъ онъ, «войска, предназначенныя его защищать, выказывали рѣшительную готовность умереть, но не отдать города, завѣщаннаго намъ любимымъ царемъ и всею Русью православной. Въ продолженіе короткаго времени, неутомимою дѣятельностію всѣхъ—и офицеровъ и нижнихъ чиновъ — выросли изъ земли сильныя укрѣпленія и пушки старыхъ кораблей разставлены на этихъ грозныхъ твердыняхъ».

Выставя удальство нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ въ частныхъ схваткахъ съ непріятелемъ, *Корниловъ* продолжаетъ: «Вчера былъ въ Севастополѣ флигель-адъютантъ Государя Императора, отправляющійся въ Петербургъ. Царь нетерпѣливо желаетъ знать все о приступѣ враговъ къ дорогимъ для него городу и флоту черноморскому; я поручилъ доложить Его Величеству, что войска рвутся сразиться и на всякомъ шагу выказываютъ свою удаль; что они, по примѣру отцовъ, не хотятъ и знать о числѣ непріятеля, а обѣщаютъ отстоять довѣренное имъ Государемъ сокровище. Да благословитъ насъ русскій Богъ! Ура! помни каждый, что для успѣха нужно думать не о себѣ, но о товарищахъ!»

Къ 4-му октябрю непріятель изготовилъ батареи, и ясно было, что́ на другой день начнется кровавый споръ. Сдѣлавши вечеромъ всѣ необходимыя распоряженія къ оборонѣ и нѣкоторыя семейныя, Владиміръ Алексѣевичъ высказалъ близкому къ нему человѣку опасеніе за большой уронъ отъ непривычки. Приверженный подчиненный воспользовался случаемъ и напомнилъ ему приказаніе Государя беречься. «Не время теперь думать о безопасности», отвѣ-

чалъ *Корниловъ*; «если завтра меня гдѣ нибудь не увидятъ, что обо мнѣ подумаютъ?»

Роковое «завтра» оказалось послѣднимъ для героя!... Въ жестокихъ страданіяхъ, преодолѣвъ мученія самой смерти силою души и разума, *Корниловъ* вспомнилъ о близкихъ сердцу, о дорогомъ ему Севастополѣ, о Россіи, которую такъ любилъ, и о прежнемъ своемъ покровителѣ и другѣ! Въ коротенькомъ завѣщаніи его, написанномъ послѣ Альмы, подъ заглавіемъ «моя послѣдняя воля», находимъ, между прочимъ, слѣдующій наказъ сыновьямъ: «Избравъ одинъ разъ службу Государю, не мѣнять ее и приложить всѣ усилія сдѣлаться ею полезными обществу, не ограничиваясь уставомъ, а занимаясь съ любовью, изучая всѣми своими способностями то, что для полезнѣйшихъ дѣйствій пригодно. Лучшій примѣръ для нихъ въ отношеніи послѣдняго ихъ дѣдъ и дядя и, могу смѣло сказать, отецъ... Мои бумаги всѣ собраны, равно какъ бумаги и все что относится къ благодѣтелю моему Михаилу Петровичу *Лазареву*, къ семейству котораго желалъ бы, чтобъ дѣти мои сохранили особую дружбу и старались ему быть во всякомъ случаѣ полезными. Извлеченіе изъ этихъ бумагъ, особенно послѣднихъ, можетъ быть полезнымъ. Затѣмъ благословляю жену и дѣтей и съ спокойствіемъ готовъ окончить жизнь какъ желалъ, для блага моей родины, которую Богъ не оставитъ, и которая, конечно, по окончаніи неправедно начатой съ ней войны, станетъ еще выше въ судьбахъ націй». Эти строки и послѣднія слова разлучавшагося съ міромъ постояннаго приверженца, безъ сомнѣнія, замкнутъ уста клеветы и убѣдятъ легковѣрныхъ въ несправедливости ихъ заключеній.

Другіе питомцы Михаила Петровича послѣдовали за *Корниловымъ*, почтивъ память учителя славною смертію! Пало много жертвъ—все «птенцы того же гнѣзда», вскормленные тѣми же началами, проникнутые тою же преданностію къ долгу и своему краю! Многіе, пережившіе ужасные дни, болѣе не въ состояніи быть полезными! Почтимъ же непритворною слезою заплатившихъ столь славно долгъ

отечеству, пожалѣемъ искренно тѣхъ, которые носятъ на себѣ почетные тяжкіе слѣды геройской стойкости, и благодарное памятованіе великой русской земли да будетъ имъ достойною наградою.

И. Шестаковъ.

19.3